

Диана КАН

Диана Кан родилась в 1964 году. Окончила факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы Литературного института им. Горького.

Работала журналистом и редактором в Оренбурге, Самаре, Москве. Активно сотрудничает со многими изданиями и интернет-сайтами России как поэт и журналист. Член Союза писателей России с 1995 года.

Автор множества книг и публикаций. Живет в Оренбурге.

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая выюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы,
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром

Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смиренье?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

Вдоль по камушкам Кама бежала –
Своенравная песня-река.
В Волгу вовсе впадать не желала –
Мол, я ей не простушка Ока.

Я раздольнее, шире, древнее...
Кто первее – открытый вопрос.
Кто во мне усомниться посмеет?
Кто в меня не поверит всерьёз?

Говорила Оке, говорила –
Не роднилась бы с Волгой-рекой.
И объятья её отклонила,
Впредь оставшись свободной Окой.

Что бы проще? Сбежав от истока,
Суверенный блюсти интерес.
И небес лучезарное око
Отразив, разливаться окрест.

Но сестрица не вняла совету,
Восприяла совет за навет...
Эй, откликнись, Ока моя, где ты?
Песня, волжская песня в ответ!

Что тут думать и сетовать долго,
Волгу лютой хватчицей клясть?
Проложу-ка я русло под Волгой,
Чтоб в объятья её не попасть!

Чёрный ворон поможет мне в этом.
Каркни, милый, как выйти на свет!
Коли ты не родился поэтом,
То греха в злобном карканье нет.

Раздвигая волною камня,
Кама глубже под землю пошла...
Но в заветное это мгновенье
Каркнул ворон, увидев орла.

Каркнул ворон от страха и злобы
Перепутав, кто грязь, а кто князь.
Из земной потаённой утробы
Вышла Кама и – с Волгой слилась.

Это ж надо такому случиться!
Голубая печаль глубока.
Обнимается с Камой сестрица –
Вдохновенная Волга-река!

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи –
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» –
Не в силах унять изумленья.

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

Татарник да вишарник –
Заброшенная дача.
Не будь неблагодарным,
Взгляни на мир иначе!

Всяк в этом мире сущий
Своей свободой дышит –
Сорняк дикорастущий,
Что опекаем Свыше.

Всё, битое судьбою –
Не скопище заброшек,
Включая нас с тобою
И всех бродячих кошек.

Вишарник в небо рвётся.
Татарник небом дышит.
И пьяный бомж смеётся,
Закусывая вишней.

Плохой погоды у природы нету!
Так отчего, зачем и почему
Я здесь со страхом ожидаю лета,
С тоскою смертной – зимушку-зиму.

От жданок беспросветных сердце стынет
Который год, который век подряд.
Но вовсе не погода – резкий климат
Виной всему, синоптики твердят.

Резка и я – чего скрывать? – бываю.
Но и опять погода ни при чём!
Повинность здешних предков отбиваю
Железным плугом и стальным мечом.

И мне до остального нету дела:
Судьба такая и удел таков –
Пашу-ратаю отчие наделы,
Попутно отбиваясь от врагов.

Повинность эта – древняя казачья –
Уральских гордых голубых кровей –
Захлёбываться горьким вьюжным плачем
В степи глухой, что выжег суховой.

Соратник, друг, товарищ, враг
Парадоксально рады встрече.
Наш поэтический сходняк –
Содружество противоречий.

Хоть назовут потомки «съезд»
Товарищей заклётых стаю,
Здесь никого никто не съест:
Поэт поэта понимает.

Грустим, хохочем, пьём вино,
Витийствуем, исходим желчью...
Мы все равны. Нам всё равно –
Хотим утешиться, да нечем!

Не каждый тут друг другу мил,
Но держим небо, как атланты:

Посильно каждый – в меру сил
И в силу своего таланта.

И в том, кто сердцем изнемог,
И в том, кто пребывает в вере,
Одновременно, видит Бог,
Живут и Моцарт, и Сальери.

Мир озарён прощальной улыбкой
Ультрамарина, что целует просинь.
Кармином, охрой, киноварью пылкой
Поделится аксаковская осень.

Здесь пурпура и терракоты встреча,
Что сходятся в лесах стеной на стенку.
Но никакого нет противоречья
В прощальном буйстве красок и оттенков.

И так щедра осенняя палитра
Волшебного аксаковского слова,
Что как тут обойдёшься без пол-литра...
Дождя животворящего грибного?

Всю жизнь рифмуя розы и морозы,
Всю жизнь воюя с собственной судьбой,
Я не унижусь до презренной прозы,
А, значит, не унижусь пред тобой.

Перед тобой, дарившим вдохновенье.
Перед тобой, ушедшим в злую мглу.
Перед тобой, мой непутёвый гений,
Хвалу воспринимавший, как хулу.

Любовь и кровь пожизненно миксуя
И раскрыляясь на сквозных ветрах,
Господне Имя не тревожа всеу,
О сокровенном как сказать в словах?..

Буксуя на житейских бездорожьях
И матом кроя брентную тщету,
Назло всем тем, кто жизнь мою итожит,
Остаться поэтессой предпочту.